

совершил не глубокий конный рейд на Дон, а что в составе его войск были пешие воины (как-де у Мономаха в 1111 году), и это будто бы связывало быстроту движения и помешало Игорю достичь Дона.

Эти выводы у К. В. Кудряшова опираются на единственное место летописи, причем такое, которое допускает различное его толкование. То, что князья „соседоша с коней“ решили в пешем строю биться вместе с „черными людьми“, на наш взгляд, свидетельствует лишь о том, что при сложившейся тяжелой обстановке они сознательно лишили себя возможности „утеч“ „в мале дружине“, как подчас делали князья, а отнюдь не о том, что „черные люди“ были пешими.

Вопрос о том, как биться—в конном или пешем строю, помимо всего определяется и условиями боя. В конном строю легче преследовать бежавшего противника и легче бежать с поля боя, но с боем пробиваться в пешем сомкнутом строю удобнее, так как обе руки свободны и ликвидируется сумятица конных масс. Это верно во всех случаях и тем более в применении к русскому войску, которое издавна славилось особой стойкостью в пешем строю. У русских было даже традицией принимать решительный бой пешими, несмотря на наличие коней. Так, например, в 1096 году дед северских князей Олег потерпел поражение от Мстислава Владимировича именно в такой битве: „Мстислав же перешед пожар с новгородци, и сседоша с коней новгородци, и ступишася на Кулачьце, и бысть брань крепка, и нача одалати Мстислав“.¹ Под 1216 годом летопись сообщает, что когда перед Липецкой битвой князь Мстислав сказал новгородцам и смольянам: „«а к боеви поидете, кто како хошет, ли пешь, ли на коних», то новгородци ответили: «Мы на коних не хошем, но яко же отци наши билися на Колакши пеши...». И сседоша с конь и порты и сапогы сметаша...“.² Желание войска биться в пешем строю, „соседоша с коней“, свидетельствует о решимости стать насмерть. То, что полководцы, отдав команду ссесть с коней, и сами покидают коней, крепит моральную стойкость войска. Нам думается, что смысл поведения северских князей именно в этом.

Наконец, когда Игорь обсуждает план отступления, он ни словом не обмолвливается о пешцах, говоря: „Ныне же поедемы черес ночь; а кто поедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучшии коньници переберуться, а самими как ны бог дасть“.

О конном составе войск говорят и другие данные. Так, из летописи неопровержимо явствует, что полки Святослава Ольговича, Владимира Игоревича, сводный полк стрельцов и полк ковуев, преследовавшие половцев, были конными, как и половецкие войска (половцы „поскочиша“, а русские „поткоша по них“).

Следовательно, пеших воинов можно искать только в оставшихся полках Игоря и Всеволода, но по смыслу заявления Святослава Ольговича — „Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут. Аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати“³ — выходит, что и у Игоря и Всеволода было конное войско, если полки, „гонившие на половцах“ на уставших конях, могли отстать от полков Игоря и Всеволода: если бы у дядей было пешее войско, у Святослава такое опасение не появилось бы. Если к этому добавить еще и другие показания летописи и „Слова“, характеризующие полки Игоря

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 170.

² ПСРА, т. XXV, стр. 113.

³ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 167.